

„Приди ко мнѣ на грудь, мой единственный другъ, и убей меня!“ И, говоря эти дикія слова, она яростно засунула карточку за корсажъ платья и бросилась на полъ. Въ этомъ безумномъ порывѣ была какая-то насмѣшливая пародія надъ невиннымъ отчаяніемъ ея дѣтства, когда мать бросила ее на произволъ жестокой тетки.

Эта ночь прошла въ тайныхъ мученіяхъ еще для другого лица въ Моунтъ-Морвенѣ.

Расхаживая по скучнымъ длиннымъ корридорамъ нижняго этажа дома, Линлей считалъ часы, безжалостно сокращавшіе время, отдѣлявшее его отъ пытки признанія женѣ.

Простить ли ихъ благородная женщина, которую они оскорбили, во вниманіе къ ихъ раскаянію? Вотъ вопросъ, терзавшій Линлея и на который онъ не въ силахъ былъ отвѣтить.

XI.

Они всѣ собрались, по обыкновенію, къ завтраку.

Подстрекаемая словами м-съ Прести, Китти поторопила раздачу подарковъ. Она прибѣжала поутру въ спальню матери и попросила ее отдать ей подарки за завтракомъ.

Подарки сложены были въ амбразурѣ одного изъ оконъ и по очереди предъявлялись Китти. Мистриссъ Линлей подарила ей куклу изумительной красоты. Костюмъ этой восковой красавицы былъ по послѣдней французской модной картинкѣ. Голова двигалась направо и налево и наклонялась впередъ; глаза закрывались и открывались; она произносила два слова, болѣе цѣнные въ устахъ куклы, чѣмъ тысяча словъ въ устахъ живого существа. Китти приняла куклу въ свои объятія и поцѣловала ее въ безумномъ восторгѣ. Усердно прижимая куклу къ груди, она нажала на пружинку, и кукла прокричала:

— Мама!—а затѣмъ:—Папа!

Китти съѣла на полъ; ноги подкосились у нея:—Мнѣ кажется, я падаю въ обморокъ,—серьезно объявила она.

Среди всеобщаго хохота, Сидни молча подала новую игрушку (хорошенькое подражаніе ювелирнымъ футлярамъ) Китти и отошла прежде, нежели ребенокъ успѣлъ взглянуть на нее. Мистриссъ Прести была единственнымъ лицомъ, замѣтившимъ ея блѣдность и дрожація руки.

Ожерелье куклы, браслеты и часы съ цѣпочкой приковали вниманіе Китти къ футляру. Когда она собралась поблагодарить